

— Мы знакомы с седьмым пунктом, мальчик, спасибо тебе большое! — прорычал Фадж, сжимая кулаки. — Конечно, знакомы, — учтиво ответил Гарри, невозмутимо глядя на министра. — Так почему же вы ничего не сделали, чтобы исключить этот пункт? В Литтл-Уингинге могли быть Дементоры, насколько вам известно. — Не было никаких Дементоров! — проревел Фадж, его лицо побагровело от злости. — Доказательства, министр, доказательства, — холодно бросил Гарри, словно ледяной ветер. — Вы не послали своих людей исследовать место преступления — как должны были — и теперь вы приходите и говорите, что "Дементоров не было". Но вы сами не можете этого доказать. Так почему же вы думаете, что вы правы? Фадж уставился на мальчика с ненавистью в глазах. — Ты... — начал он, но был прерван мадам Боунс. — Обвиняемый прав, министр, — сказала она, ее голос звучал твердо. — Откуда мы знаем, что ему не пришлось защищаться? — Дементоры находятся под контролем Министерства. Дементор ни за что не пришел бы к Маленькому Хныку! — рявкнул Фадж. — Мальчик просто пытается избежать наказания. Как несовершеннолетний волшебник он должен следовать правилам, как и все остальные — никакого статуса знаменитости! — Несовершеннолетний? — переспросил Гарри, его голос был полон сарказма. — Это тоже то, над чем я смеюсь. Это тоже закон, который ты нарушил. — О чем ты сейчас говоришь, мальчик? — прошипел Фадж, теряя остатки самообладания. В его глазах мелькнул страх. Гарри знал, чего боялся министр. Он боялся, что Гарри знает о его "светлости" — и о свободе, которая может прийти с ней, когда ему исполнится пятнадцать... Но Гарри ничего не сказал. Он определенно не стал бы разыгрывать эту карту, если бы ему не пришлось это сделать... — Подумайте об этом! Мне пятнадцать, министр. Как вы сказали суду — я не совершеннолетний. Но что бы вы ни говорили суду, вы сами, похоже, довольно часто об этом забываете! — возразил Гарри, его голос звучал все более уверенно. — Что ты хочешь этим сказать, Мерлин?! — прорычал Фадж, уставившись на Гарри так, словно тот сошел с ума. Может быть, Гарри и вправду... — Как у несовершеннолетнего, у меня есть не только обязанности, Фадж — у меня также есть права. Ты, кажется, забываешь об этом каждый раз, когда я оказываюсь в ситуации, когда мне нужны эти права. — Я полностью осведомлен о твоих правах, мальчик! — воскликнул Фадж, но его голос уже не звучал так уверенно. — Правда? Перед всем судом ты заявляешь, что знаешь о моих правах? — Конечно, знаю! Возможно, без этого не обойтись... — А директор школы — ему тоже известны мои права? — При чем тут это, мальчик?! — прорычал Фадж, его лицо снова покраснело от злости. — Просто позвольте директору ответить на мой вопрос, — сказал Гарри, пожав плечами. Дамблдор посмотрел на него с замешательством. — Конечно, я знаю о твоих правах, Гарри, — наконец мягко сказал он. — Ты знаешь, что эта дискуссия ни к чему не приведет... Это действительно ни к чему не приведет...! Гарри проигнорировал его, вместо этого он посмотрел на остальных членов Визенгамота. — Что с вами, дамы и господа? Вы знаете о правах несовершеннолетних? xXxXx До сих пор Амелия Боунс была свидетелем всего этого зрелища. Теперь, когда к ней обратились как к члену Визенгамота, она почувствовала себя обязанной ответить "Да". Конечно, она знала о его статусе — она была главой юридического отдела, она должна была быть в курсе. Она только не знала, какая польза от этого мальчику, если они в курсе... Она смотрела на мальчика перед ними, смотрела в его холодные зеленые глаза цвета Авады Кедавы и видела в них решимость. И вдруг она смогла сложить кусочки головоломки воедино. О, этот неуловимо хитрый мальчик! Он играл на них, как на дудочках! xXxXx — Итак, вы все знаете о моих правах. Все трое. Министр, Верховный Магвамп МКВ, Главный Колдун и Визенгамот, — торжествующе произнес Гарри, но затем остановился. Его выражение триумфа померкло, не оставив ничего, кроме холодного расчета. — Тогда вы знаете, что существует творческий прецедент от 1753 года. Он продолжил с меньшим триумфом в голосе. — Томас Эйвери, сирота и последний из Дома Эйвери в то время, получил права эмансипированного волшебника после того, как с ним так обошлись более чем один законный институт. В его случае это были министр, глава Департамента магического права и глава Авроров. Этот творческий прецедент был закреплен в качестве параграфа 261С в учебнике по праву. Фадж взглянул на Перси Уизли. Секретарь листал лежащую перед ним

книгу законов, пока не нашел этот параграф.— На самом деле существует творческий прецедент от 1753 года, министр, — наконец подтвердил Перси, совершенно ошеломленно глядя на лежащий перед ним текст.— Ну, теперь, когда у вас есть доказательства, министр, давайте продолжим, — сказал Гарри. — В прошлом году я принимал участие в Турнире Трех Волшебников, турнире исключительно для волшебников после семнадцатого года жизни. Я участвовал и смог соревноваться с другими семнадцатилетними участниками. "Итак, поскольку этот Турнир предназначен исключительно для взрослых волшебников, опекун от моего имени должен был ввести меня в этот Турнир. Моим опекуном, как мне известно, является моя тетя. Она не вводила меня и не разрешала мне участвовать. В школе, можно сказать, моим опекуном является директор — и он разрешил. Но, видя, что Турнир предназначен исключительно для взрослых, он также признавал и поэтому относился ко мне как к взрослому. "То есть он сознательно проигнорировал мои права как несовершеннолетнего и заставил меня участвовать в том, в чем несовершеннолетний не имеет права участвовать."— Даже если так — это не имеет никакого отношения к вашему делу! — прорычал Фадж. Амелия Боунс фыркнула на это.— Но имеет, министр, — ответил Гарри. — Это важная часть этого процесса.— И скажите на милость, каким образом ваше участие в Турнире Трех Волшебников должно иметь какое-то значение для вашего дела? — прорычал Фадж, и Амелия Боунс поняла, что мальчик его раскусил. Теперь от него было не уйти.— Все просто, — ответил Гарри. — Он начал то, что ты закончил. Он обращался со мной как со взрослым, как ты сейчас. Я спросил тебя, знаешь ли ты о правах несовершеннолетнего. Я спросил то же самое у директора и Визенгамота. Вы все ответили положительно — и все равно нарушаете эти права, даже не задумываясь, когда дело касается меня. Так что, по сути, вы оба — и с вами Визенгамот — согласны, что я не ребенок!xXxXx— Ну-ка, посмотри сюда, мальчик! — проворчал Фадж. — Я не делал ничего подобного. Так что не может быть...— Не делал? — перехватил Гарри. — Но ты утверждаешь, что делал!— Как вы смеете заявлять такую ложь! — взревел Фадж, его лицо исказилось от ярости.— Но это не ложь, министр, — безэмоционально ответил Гарри. — Параграф 40 Е гласит, что "только взрослый должен быть судим перед всем Визенгамотом". И вот мы здесь. — Я, обвиняемый, — прозвучал голос Гарри, полный горечи, — а вы, вы, судящие меня перед всем Визенгамотом! Простое дело о несовершеннолетней магии никогда не рассматривается при всем вашем собрании, так почему же, если я еще не достиг совершеннолетия, для меня все иначе, чем для других? Вопрос прозвучал как вызов, вызвав новый гул в зале. Фадж, открыв рот, чтобы ответить, тут же его закрыл. Глаза министра, казалось, вылезли из орбит. Гарри, уставившись на него своим недетским, пронзительным взглядом, повторил: — Я все еще жду ответа на этот вопрос, министр. Но Фадж, словно замороженный, не двинулся, продолжая смотреть на Гарри, будто впервые увидел его. Наконец, мадам Боунс, не выдержав, заговорила сама. Она давно понимала, что мальчик выберет этот путь, только не могла разгадать причину его выбора. — Это хороший вопрос, молодой человек, — произнесла она, — И все же, даже если сегодня с вами будут обращаться как со взрослым перед законом — какая вам от этого польза? Вы все равно совершили Патронус перед магглом.